

Ученый-языковед В. В.
Виноградов

Выполнила ученица 11 «а» класса МОУ
«СОШ №2 р.п. Базарный Карабулак
Саратовской области» Курочкина Дарья
Руководитель: учитель русского языка и
литературы Верхова Н. П.

Мощь и величие русского языка являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его оригинальной и высокой национальной культуры и его великой и славной исторической судьбы.

В.В.Виноградов. Великий русский язык.

Едва не ярче всего богатство русского языка обнаруживается в его лексике, в его словарном составе.

В.В.Виноградов. Толковые словари русского языка.

**ВИКТОР
ВЛАДИМИРОВИЧ
ВИНОГРАДОВ
(1895-1969)**

*русский
литературовед и
лингвист-русист,
академик АН СССР,
доктор
филологических наук,
лауреат Сталинской
премии.*

Нить жизни: В.В.Виноградов

12 января 1895 (31 декабря 1894) – родился в г. Зарайске Рязанской губернии.

1914 – окончил Рязанскую духовную семинарию.

1917 – окончил Историко-филологический институт Петроградского университета и Археологический институт.

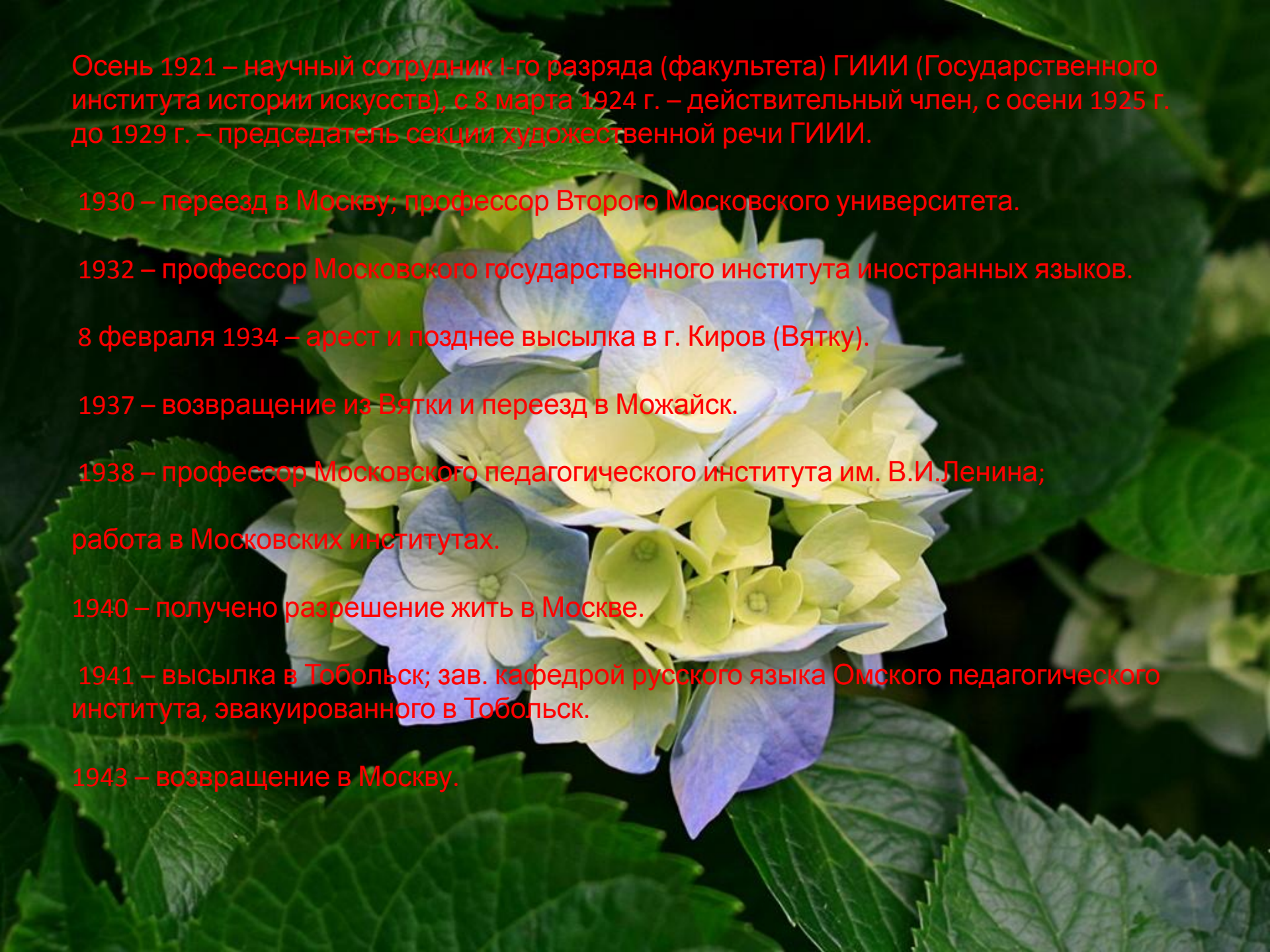
1918 – оставлен в Историко-филологическом институте для подготовки к профессорскому званию.

1919 – удостоен золотой медали Советом Археологического института за сочинение “Об языке и орфографии “Жития Саввы” по пергаменной рукописи XIII в.”;

- преподаватель I (бывш. Женского) педагогического института,

1920 – профессор Археологического института по кафедре истории русского языка.

1920-1929 – профессор Петроградского (Ленинградского) государственного университета.

Осень 1921 – научный сотрудник I-го разряда (факультета) ГИИИ (Государственного института истории искусств), с 8 марта 1924 г. – действительный член, с осени 1925 г. до 1929 г. – председатель секции художественной речи ГИИИ.

1930 – переезд в Москву; профессор Второго Московского университета.

1932 – профессор Московского государственного института иностранных языков.

8 февраля 1934 – арест и позднее высылка в г. Киров (Вятку).

1937 – возвращение из Вятки и переезд в Можайск.

1938 – профессор Московского педагогического института им. В.И.Ленина;
работа в Московских институтах.

1940 – получено разрешение жить в Москве.

1941 – высылка в Тобольск; зав. кафедрой русского языка Омского педагогического института, эвакуированного в Тобольск.

1943 – возвращение в Москву.

1943-1944 – старший научный сотрудник Института языка и мышления АН СССР (Ленинград)

1945-1969 – зав. кафедрой русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

1946 – избран действительным членом Академии наук СССР.

1950-1954 – директор Института языкознания АН СССР.

1950-1963 – академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР.

1952-1969 – главный редактор журнала “Вопросы языкознания”.

1956-1958 – председатель Международного комитета славистов.

1956-1969 – председатель Советского комитета славистов.

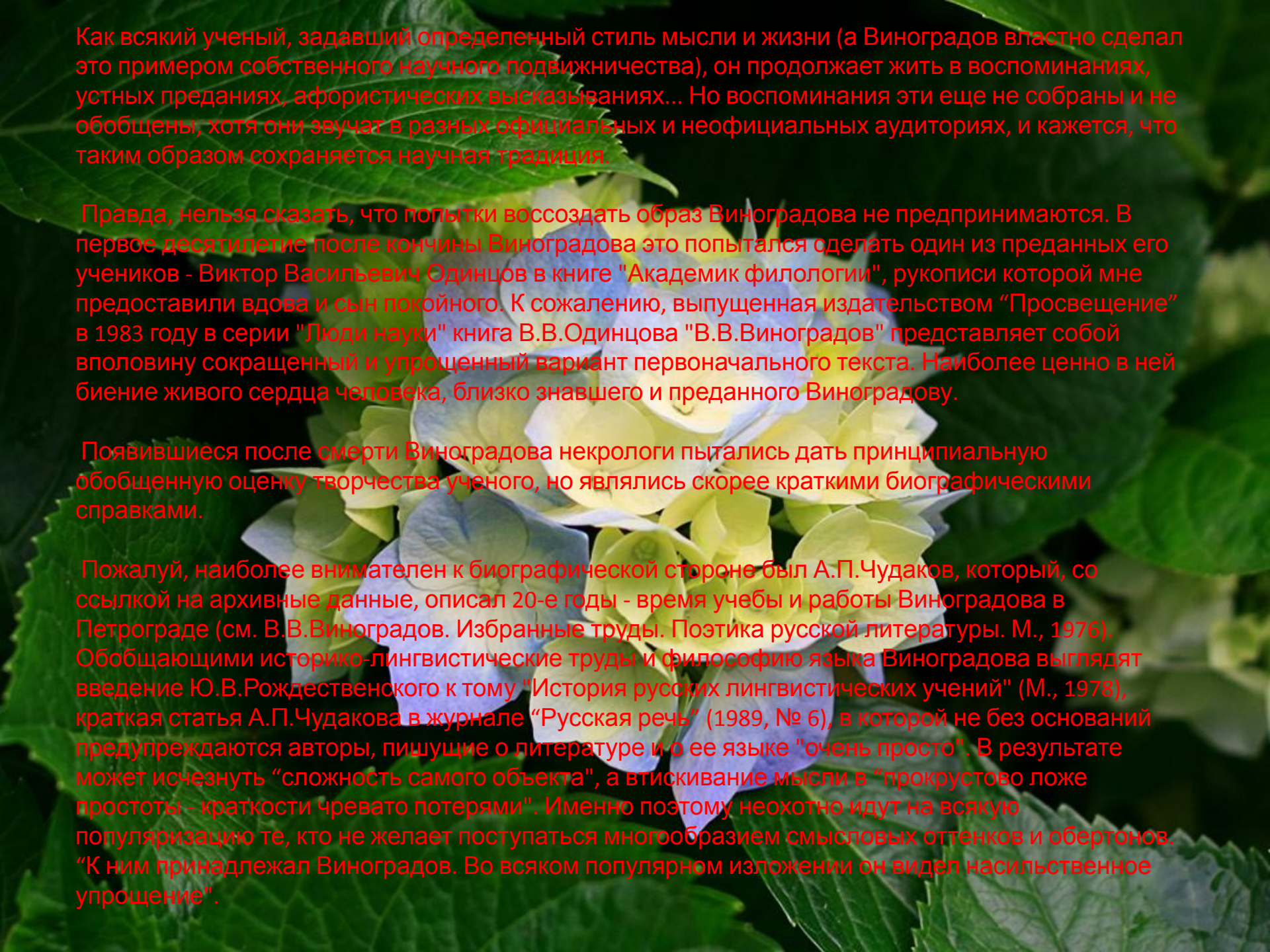
1958-1968 – директор Института русского языка АН СССР.

1967-1969 – основатель и председатель Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

1968-1969 – зав. сектором исторической поэтики и стилистики русской классической литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

4 октября 1969 – скончался в Москве; похоронен на Новодевичьем кладбище.

В.В.Виноградов – член иностранных академий (Болгарии, ГДР, Дании, Польши, Румынии, Сербии, Франции,); почетный доктор Парижского (Сорбонны), Будапештского и Карлова (Пражского) университетов, других иностранных научных обществ.

Как всякий ученый, задавший определенный стиль мысли и жизни (а Виноградов властно сделал это примером собственного научного подвижничества), он продолжает жить в воспоминаниях, устных преданиях, афористических высказываниях... Но воспоминания эти еще не собраны и не обобщены, хотя они звучат в разных официальных и неофициальных аудиториях, и кажется, что таким образом сохраняется научная традиция.

Правда, нельзя сказать, что попытки воссоздать образ Виноградова не предпринимаются. В первое десятилетие после кончины Виноградова это попытался сделать один из преданных его учеников - Виктор Васильевич Одинцов в книге "Академик филологии", рукописи которой мне предоставили вдова и сын покойного. К сожалению, выпущенная издательством "Просвещение" в 1983 году в серии "Люди науки" книга В.В.Одинцова "В.В.Виноградов" представляет собой вполнине сокращенный и упрощенный вариант первоначального текста. Наиболее ценно в ней биение живого сердца человека, близко знавшего и преданного Виноградову.

Появившиеся после смерти Виноградова некрологи пытались дать принципиальную обобщенную оценку творчества ученого, но являлись скорее краткими биографическими справками.

Пожалуй, наиболее внимателен к биографической стороне был А.П.Чудаков, который, со ссылкой на архивные данные, описал 20-е годы - время учебы и работы Виноградова в Петрограде (см. В.В.Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976). Обобщающими историко-лингвистическими трудами и философией языка Виноградова выглядят введение Ю.В.Рождественского к тому "История русских лингвистических учений" (М., 1978), краткая статья А.П.Чудакова в журнале "Русская речь" (1989, № 6), в которой не без оснований предупреждаются авторы, пишущие о литературе и о ее языке "очень просто". В результате может исчезнуть "сложность самого объекта", а втискивание мысли в "прокрустово ложе простоты - краткости чревато потерями". Именно поэтому неохотно идут на всякую популяризацию те, кто не желает поступаться многообразием смысловых оттенков и обертонов. "К ним принадлежал Виноградов. Во всяком популярном изложении он видел насильственное упрощение".

Следуемый ниже очерк "популярен". Хотелось бы надеяться на то, что он не упростит ненужным образом глубину филологической личности В.В.Виноградова. Кроме того, известно, как охотно сам ученый выступал с популярными лекциями, редактировал, консультировал, преподавал. Простота, но не упрощенность сродни и глубине, с которой постигался Виноградовым материал в его исследованиях. Ведь и секрет научного успеха Виноградова прост. Он рожден преемственностью идей лучших учителей и предшественников.

Когда автор этих строк несколько наивно пытался найти ответ на эти вопросы у вдовы ученого Надежды Матвеевны Малышевой-Виноградовой, то и ее ответ был прост: - "...не то что добросовестный, а просто Виктор Владимирович был такой трудяга... Мы прожили вместе сорок два года, и не было дня, я бы сказала часа, когда бы он не работал. Он всегда работал. Приезжали мы в санаторий - сейчас же раскладывались книжки, бумаги..."

О том же вспоминает В.Г.Костомаров:

- Виктор Владимирович обладал, безусловно, невероятным талантом. Он обладал удивительной памятью, но, я думаю, не состоится никакой ученый, если он не будет великим тружеником. Виктор Владимирович работал постоянно, с утра до вечера: в машине, на заседаниях, в перерывах между заседаниями (Русская речь. 1989. № 5).

Итак, стиль этой жизни состоял в безусловном научном отшельничестве - ежедневном и еженощном труде за письменным столом; и в то же время - в создании научной соборности, объединяющей людей служением одному богу - русскому языку. Внутренняя сосредоточенность на предмете, размышления и одновременная открытость всякому, кто трудится на этой же ниве. Характерны признания в письмах из военного Тобольска: "Хочется поговорить с кем-нибудь о русском языке"; "Нет, я не променяю лингвистики ни на что..." (Русская речь, 1985, № 3).

Виктор Владимирович Виноградов родился в г. Зарайске Рязанской губернии 12 января 1895 года (31 декабря 1894 г. по старому стилю). Среднее образование получил в Рязанской духовной семинарии. В 1917 году Виноградов одновременно окончил Историко-филологический и Археологический институты в Петрограде. По предложению А.А.Шахматова, выдающегося русского филолога, Виноградов остается при историко-филологическом факультете Петроградского университета для подготовки к профессорскому званию.

Первые работы Виноградова показывают широту его интересов, формируя метод и характер работы над исследуемым материалом: "О самосожжении у раскольников-старообрядцев (XVII-XIX вв.)" (1917) и магистерская диссертация "Исследования в области фонетики северорусского наречия. Вып.1. Очерки по истории звука "ять" в северорусском наречии" (1919); за сочинение "Об языке и орфографии "Жития Саввы" по пергаменной рукописи XIII века" Совет Археологического института присудил Виноградову золотую медаль.

Талант лексиколога ясно проявился уже в его ранних трудах, например, в кратких "Заметках о лексике "Жития Саввы освященного" ученый исчерпывающе перечисляет и слова кирилло-мефодиевских переводов (алкание, алкати, беседовати, заповедь, ковчег, книги, князь, язык - как перевод греческого "этнос"), и слова, чуждые кирилло-мефодиевским переводам (изволите, прияти). Вывод - парадоксально неожидан и осторожен: "Для определенных выводов о месте возникновения перевода Жития Саввы (за пределами Руси) лексический материал не предоставляет достаточных данных". (Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977. - С. 38).

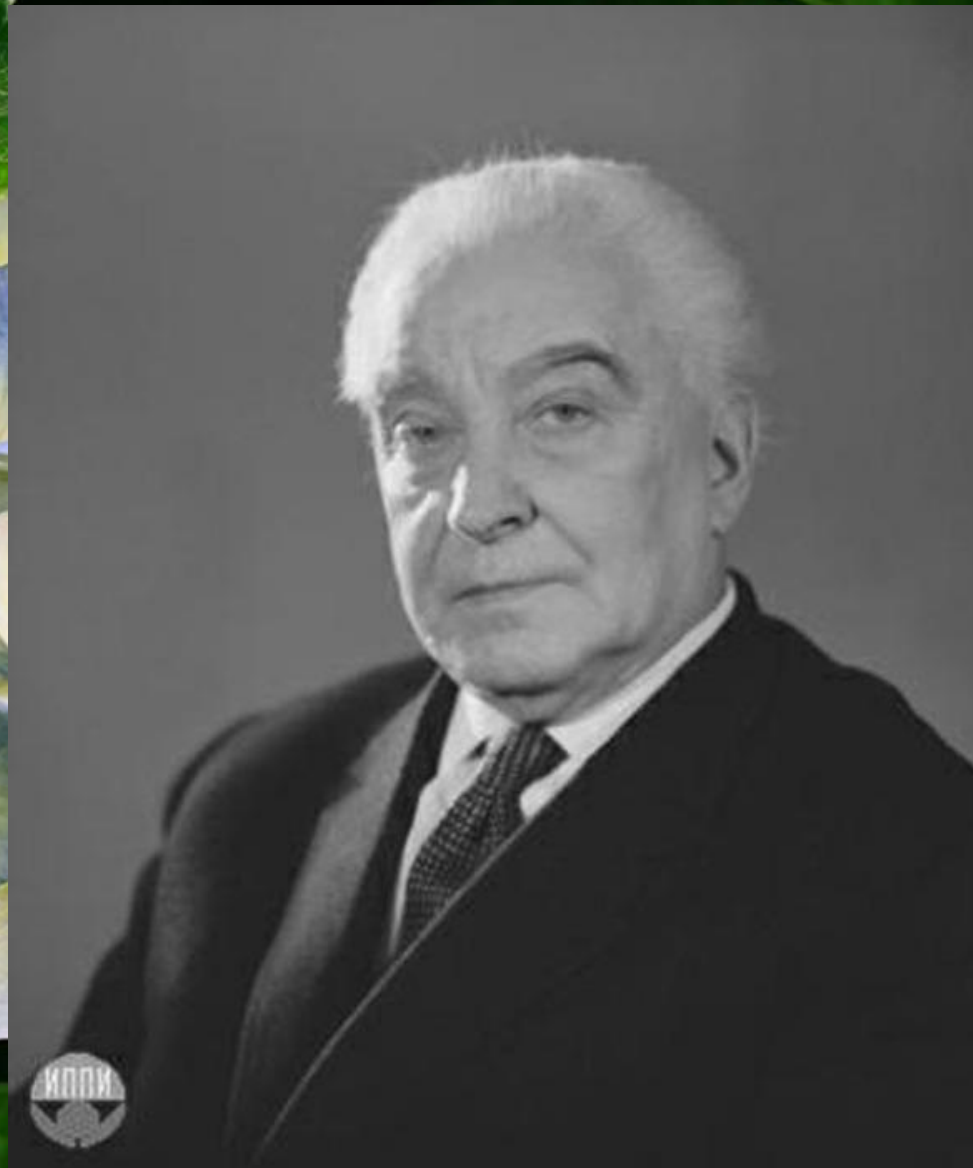
Прав А.П.Чудаков, называя наиболее резкой чертой мышления и метода Виноградова "познавательный максимализм", выразившийся прежде всего в "полноте фактов и историзме". Этот метод состоит во внимательном и всестороннем изучении истории вопроса, строгом анализе фактов языка и стремлении к широким обобщениям, основанным на научных фактах.

Нельзя не сказать и о цельности этого стиля на протяжении 50 лет, в течение которых ученый трудился в филологии. Виноградов начала 20-х годов похож на Виноградова конца 60-х. Анализ фактов, исчерпывающее знание предшественников при ясности настоящего взгляда и ощущении научной перспективы (историзм мышления) - "это, между прочим, то, что отдаляло меня от всех групп", - напишет Виноградов в конце 60-х годов о своем месте среди направлений и группировок 20-х годов.

В 1919 году по предложению А.А.Шахматова и Н.М.Каринского Виноградов был выбран на должность профессора Петроградского университета. Уже в 1919/20 годах он преподавал в I-м (бывшем) Педагогическом институте, в Археологическом институте и Петроградском университете. Не переставая преподавать, он становится с осени 1921 года научным сотрудником I разряда (так назывался факультет, переименованный в разряд, а впоследствии в отдел словесных искусств) Государственного института истории искусства (ГИИИ).

Отдел словесных искусств ГИИИ собрал множество блестящих филологов - как представителей старой школы (В.Н.Перетц, Ф.Ф.Зелинский, И.Ю.Кречковский, В.М.Алексеев), так и молодых (В.М.Жирмунский, Б.В.Томашевский, Г.А.Гуковский, С.Д.Балухатый, С.И.Бернштейн). В институте действовала строгая система докладов: В.М.Жирмунский на открытии факультета читал свою работу "Задачи поэтики", Ю.А.Тынянов излагал основные положения книги "Проблема стихотворного языка", Б.М.Эйхенбаум читал доклад "Мелодика стиха", а Л.В.Щерба, которого В.В.Виноградов называл своим учителем, выступал со ставшим впоследствии классическим "Лингвистическим анализом стихотворения Пушкина "Воспоминание".

В ГИИИ, Археологическом институте и университете Виноградов читает разнообразные языковедческие курсы: "История русского языка (литературного и актового)" (1920 - 1923), "Историческая грамматика современного русского языка" (1923/24), "Современный литературный язык" (1924/25), "Грамматика современного русского языка" (1925/26). Кроме того, он ведет семинарии по лексикологии, семантике, истории русского литературного языка, на тему "Поэтический язык Некрасова".

Нельзя не сказать и о цельности этого стиля на протяжении 50 лет, в течение которых ученый трудился в филологии. Виноградов начала 20-х годов похож на Виноградова конца 60-х. Анализ фактов, исчерпывающее знание предшественников при ясности настоящего взгляда и ощущении научной перспективы (историзм мышления) - "это, между прочим, то, что отдаляло меня от всех групп", - напишет Виноградов в конце 60-х годов о своем месте среди направлений и группировок 20-х годов.

В 1919 году по предложению А.А.Шахматова и Н.М.Каринского Виноградов был выбран на должность профессора Петроградского университета. Уже в 1919/20 годах он преподавал в I-м (бывшем) Педагогическом институте, в Археологическом институте и Петроградском университете. Не переставая преподавать, он становится с осени 1921 года научным сотрудником I разряда (так назывался факультет, переименованный в разряд, а впоследствии в отдел словесных искусств) Государственного института истории искусств (ГИИИ).

Отдел словесных искусств ГИИИ собрал множество блестящих филологов - как представителей старой школы (В.Н.Перетц, Ф.Ф.Зелинский, И.Ю.Крачковский, В.М.Алексеев), так и молодых (В.М.Жирмунский, Б.В.Томашевский, Г.А.Гуковский, С.Д.Балухатый, С.И.Бернштейн). В институте действовала строгая система докладов: В.М.Жирмунский на открытии факультета читал свою работу "Задачи поэтики", Ю.А.Тынянов излагал основные положения книги "Проблема стихотворного языка", Б.М.Эйхенбаум читал доклад "Мелодика стиха", а Л.В.Щерба, которого В.В.Виноградов называл своим учителем, выступал со ставшим впоследствии классическим "Лингвистическим анализом стихотворения Пушкина "Воспоминание".

В ГИИИ, Археологическом институте и университете Виноградов читает разнообразные языковедческие курсы: "История русского языка (литературного и актового)" (1920 - 1923), "Историческая грамматика современного русского языка" (1923/24), "Современный литературный язык" (1924/25), "Грамматика современного русского языка" (1925/26). Кроме того, он ведет семинарии по лексикологии, семантике, истории русского литературного языка, на тему "Поэтический язык Некрасова".

Написанное Виноградовым в первое пятилетие 20-х годов поражает и своим объемом и количеством проработанного материала. Причем, ученый берет в поле зрения своей науки множество проблем, объединенных как методами классической филологии (с ее традиционным вниманием к изучаемому тексту и текстам, его окружающим), так и новаторским обращением к неисследованным темам и рождению новых дисциплин.

В предисловии к книге "Эволюция русского натурализма (Гоголь и Достоевский)" (1929), включившей шесть статей, написанных в разные годы, начиная с 1920-го, Виноградов пишет, что они объединены "темой и методом... Их метод - историко-филологический анализ литературных форм". Здесь нет и намека на ставшее традиционным в позднейшее время деление филологии на языкознание и литературоведение. Лингвист должен оперировать фактами языка, если точнее, реальных текстов; в традиции русской филологии было обратиться именно к текстам художественной литературы, чтобы, опираясь на язык "образцовых авторов", питать новыми идеями лингвистическую ниву. Виноградов называет себя "лингвистом, принужденным внутренним развитием своей науки обратиться к истории литературы за новым материалом для исследования вопросов слова".

Тогда же в 20-е годы изданы работы "О задачах стилистики. Наблюдения над стилем "Жития протопопы Аввакума" (1923; опубликовано в сборнике "Русская речь" под ред. Л.В. Щербы), "Гоголь и натуральная школа" (1925), "О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски)" (1925), "Проблема сказа в стилистике" (1925), "Этюды о стиле Гоголя" (1926), "О художественной прозе" (1930).

Неслучайно, видимо, при огромной влиятельности виноградовских работ на современный научный процесс (это ясно по количеству ссылок и цитат), о стиле Виноградова и непосредственно о его работах написано так мало. Согласимся с А.П. Чудаковым: "Стиль Виноградова "нелегок", но "туманен" и "невнятен" такой стиль лишь тому, кто не хочет сделать должного интеллектуального усилия, чтобы внять ему".

Стилю этому и методу Виноградов не изменяет всю жизнь: внимательный анализ текста изучаемого памятника, тщательное описание всего литературного фона эпохи, критики... Виноградов не свертывает мысль, позволяя ей развиваться в сложном переплетении подчас противоречивых фактов; стремится исчерпать весь имеющийся в примерах материал. Кажущаяся громоздкость здания оборачивается стройной красотой, не постижимой в суеете скоропреходящих выводов и определений. Виноградов и не тяготеет к определениям: главное - увидеть то, что сделано предшественниками, тщательно описать "их" определения, мысли, суждения, а затем высказать свое.

Итак, филолог-исследователь прежде всего должен знать материал. Поэтому в анализе сюжета и композиции гоголевского "Носа" метод Виноградова предполагает исчерпывающее знание и описание всего, что касается до "носологии". Описание "носологической" литературы начала XIX века начато обращением к роману Стерна "Жизнь и мнения Тристрама Шенди" (перевод 1804-1807 гг.) и продолжено множеством рассказов о злоключениях носачей, где "большой нос имел значение узла, объединяющего комические эффекты, или служил орудием обличительной сатиры". К "похождениям носачей" добавляются "панегирики носу". Все сочинения связаны, перекликаются друг с другом. Ученый вскрывает эту связь и показывает прежде всего, как писатель работает со словом, как обыгрывается "носовая" фразеология. Вскрывая суть своего метода, автор поясняет, что сюжетная конструкция "Носа" устанавливается через художественную ориентацию Гоголя на предшествующие литературные традиции, на "низкие" жанры газетно-журнальной литературы (вроде "смеси"), на злободневный внелитературный материал, на устный бытовой анекдот, иногда "скабрёзного" характера...

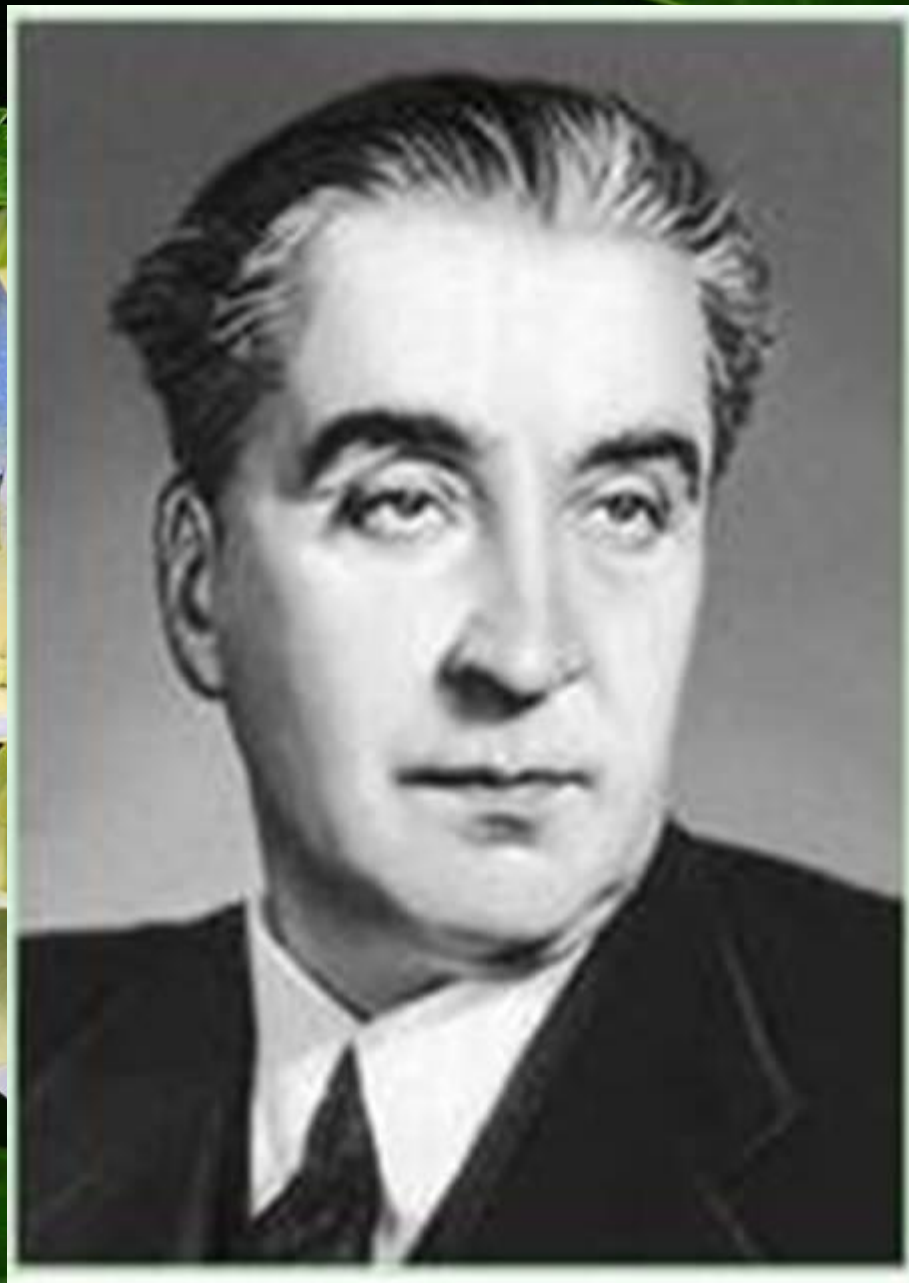
Пересказывать работы ученого бесполезно. Очевидно, пытаясь разобраться в Виноградове-человеке и исследователе, мы можем лишь рассказать о его профессиональной биографии, попробовать разобраться в его личности (преимущественно на основе воспоминаний учеников, пока чрезвычайно отрывочных, и устных преданий, в частности, воспоминаний Н.М.Мальшевой-Виноградовой); систематизировать написанное Виноградовым в разных областях филологии и, наконец, попытаться ответить на главный вопрос нашего сборника: "Виноградов - лексиколог и лексикограф" (иначе мы формулируем эту проблему как "Виноградов и русское слово").

С 1930 года Виноградовы живут в Москве. Виктор Владимирович - профессор Московского университета, преподает в Московском педагогическом дефектологическом институте, по-прежнему читает лекции и доклады в разных местах. С начала 30-х годов В.В. Виноградов совместно с Н.Н.Дурново задумывает "Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.", причем Н.Н. Дурново должен был написать древнерусскую часть, а В.В. Виноградов - XVII-XIX век. К сожалению, была написана только "виноградовская" часть, чему, как увидим ниже, были причиной и внешние обстоятельства. Одновременно с "Очерками", которые вышли первым изданием в 1934 году, Виноградов работал над монографией "Язык Пушкина", которой суждено было выйти в свет в 1935 году. Но судьба Виноградова в это время круто изменилась, что, впрочем, происходило тогда со многими.

8 февраля 1934 года на квартире Виноградовых был обыск.

Автор этой статьи в фактографической части пользуется, в основном, устными воспоминаниями жены ученого - Надежды Матвеевны Малышевой-Виноградовой (1897 - 1990), записанными на магнитофон для Всесоюзного радио, ранее такие воспоминания были записаны В.В.Одинцовым и также любезно мне предоставлены его вдовой - Т.П.Одинцовой). Три человека из НКВД (потом пришлось вызвать на помощь четвертого) перебирали книги, складывая на диван то, что им казалось подозрительным. У Виктора Владимировича была книга Н.С.Трубецкого "Основы русского мировоззрения", которую автор, ректор Венского университета, имел неосторожность разослать как подарок многим советским языковедам-славистам... Виктора Владимировича увезли.

Между тем интенсивные аресты филологов-славистов начались еще в конце 1933 года, как об этом вспоминает С.Б.Бернштейн. В Москве были арестованы М.Н.Сперанский, Г.А.Ильинский, А.М. Селищев, В.Ф.Ржига, И.Г.Голанов, П.А.Расторгуев, В.Н.Сидоров, Ю.М.Соколов, А.Н.Павлович, Н.И.Кравцов. "В результате коллективных усилий было сфабриковано так называемое "дело Сперанского". Суть его состояла в следующем: организационно группа Сперанского была подчинена венскому центру, во главе которого стоял белоземigrant князь Н.С.Трубецкой. Функцию координатора московского и венского центров по разработанной схеме выполнял Н.Н.Дурново, который в середине 20-х годов находился в длительной заграничной командировке. Была учтена одна важная деталь - сын Дурново был женат на племяннице Трубецкого. В ходе следствия не только ковались новые факты, но и сочинялись биографии. Н.Н.Дурново был объявлен сыном известного реакционного государственного деятеля эпохи Александра II и Александра III. От этого, однако, в дальнейшем пришлось отказаться, так как старые москвичи хорошо знали, что отец Дурново был скромным преподавателем гимназии" (Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века //Сов. славяноведение. 1989. № 1).

Характерна критика Виноградовым общей ориентации ученых второй половины XIX века на необходимость подготовки прежде всего словаря для общего употребления - к критикуемым оказался отнесенным даже целиком ориентированный на "исторические" материалы И.И.Срезневский.

Наиболее внимательно разобран "Проект древнерусского словаря" (1935), над составлением которого в Академии наук работала Комиссия по собиранию словарных материалов древнерусского языка под руководством А.И.Соболевского, а после смерти последнего - под руководством Б.А.Ларина, затем акад. С.П.Обнорского. Соглашаясь, как кажется, с общей концепцией "Словаря древнерусского языка" ("установления состава слов и их значений" с охватом русских языковых источников с XI до второй половины XVIII в., "причем по XVIII в. материал подбирается главным образом архаичный"), Виноградов отмечает, что будущий "Словарь" явится лишь "фундаментом исторического словаря русского языка XI-XVIII вв." К сожалению, лексика XVIII в. не найдет широкого отражения в этом словаре, но еще более беспокоит ученого то, что "проблема построения исторического словаря русского литературного языка XVIII-XIX вв. - особая, еще не затронутая проблема". Причем, очевидно, что такой словарь должен отличаться от академического словаря современного языка.

50 лет спустя можно оценить то, что сделано на этом пути: уже после смерти акад. Виноградова был начат выпуск "Словаря древнерусского языка XI-XIV вв.", заканчивается работа над "Словарем русского языка XI-XVII вв.", продолжают выпускаться "Словаря русского языка XVIII в."

Очевидно, Виноградов искал "золотую середину" между словарем современной общественно-языковой практики и историческим изучением слова, он был против предпочтения принципа историчности задаче современной языковой нормализации.

Создание исторического словаря необходимо, считает В.В.Виноградов, для построения истории русского литературного языка, которая, в свою очередь, по мысли Шахматова, есть история постепенного развития русского просвещения. Таким образом, словесная работа для Виноградова всегда была ориентирована в область культурного и художественного развития русского общества. Не зря Виноградов приводит слова В.А.Жуковского: "Всякое слово, получающее место в лексиконе языка, есть событие в области мысли".

И если язык складывается из слов, то обращение к конкретным фактам языка - словам и должно показать историю мысли. "Исторический словарь русского литературного языка XVIII-XIX вв. должен воспроизвести громадную, складывающуюся из тысяч звеньев цепь таких "событий в области мысли". Анализом этих "звеньев" и был занят Виноградов всю жизнь, выстраивая из истории слов, выражений, фразеологизмов бесконечную "цепь" языка. Другой виноградовский образ, сходный с помоносовским восприятием языка (некая стихия, родственная потоку, океану, "едва пределы сменяющему морю"): "При изучении конкретной истории отдельных слов и выражений обнаруживаются те разнообразные ручьи и потоки, которые с разных сторон - из глубин народной жизни и устного народного творчества, из быта и культуры разных социальных слоев общества, из разных областей профессионального труда - несут новые формы выражения и выразительности, новые мысли и предметы, новые слова и значения в море литературного языка" (Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. - С. 200).

При широких обобщениях Виноградов постоянно обращается к конкретным иллюстрациям выдвинутых им положений. Так, предлагаемая разработка исторического словаря имеет и вполне прагматические "земные" цели: "... язык Пушкина - основоположника современной литературной речи - остается достаточно темным даже для современного пушкиниста во многих таких местах, которые при поверхностном восприятии кажутся не нуждающимися ни в каких комментариях". Таков следующий далее комментарий к "язвительным лобзаниям" из "Бахчисарайского фонтана":

Чей страстный поцелуй живеи

Твоих язвительных лобзаний?

Хотя Пушкин и согласился под влиянием критики П.А.Вяземского заменить эпитет язвительный ("Поставь пронзительных, - писал П.А. Вяземский 18 декабря 1823 г. - Это будет ново..."), тем не менее, выражение "язва лобзаний" встречается и в других стихах поэта:

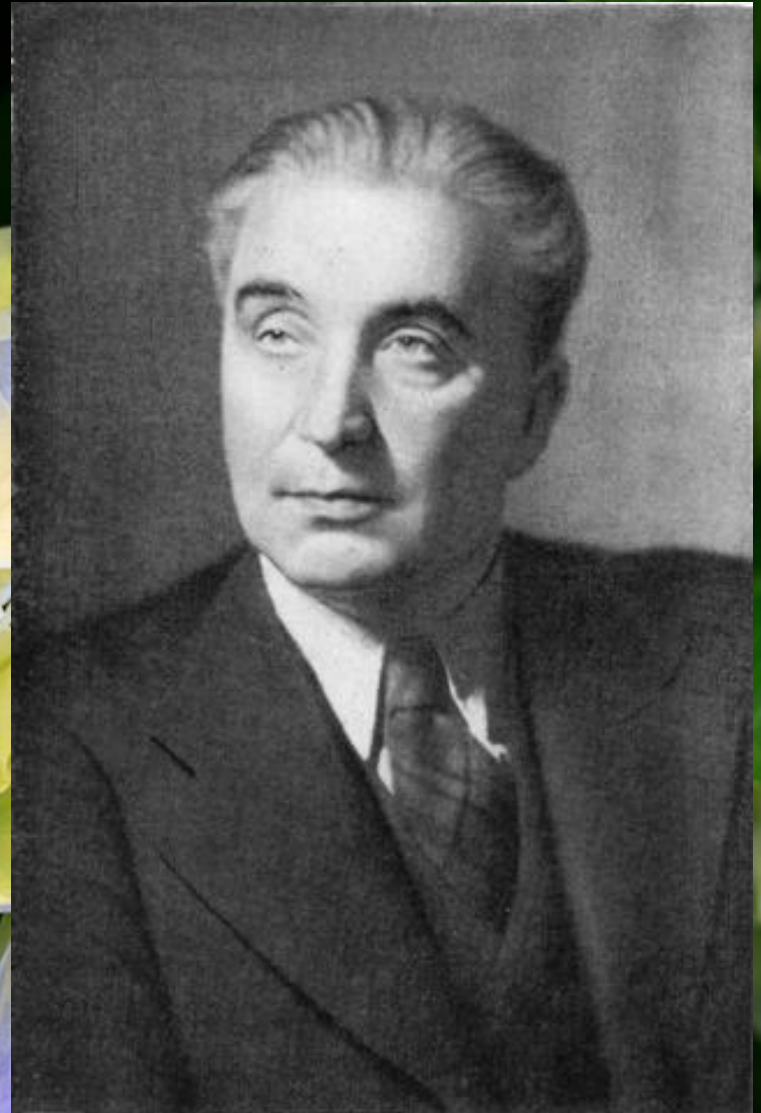
"Порывом пылких ласк и язвою лобзаний

Она торопит миг последних содроганий";

"В крови горит огонь желанья,

Душа тобой уязвлена".

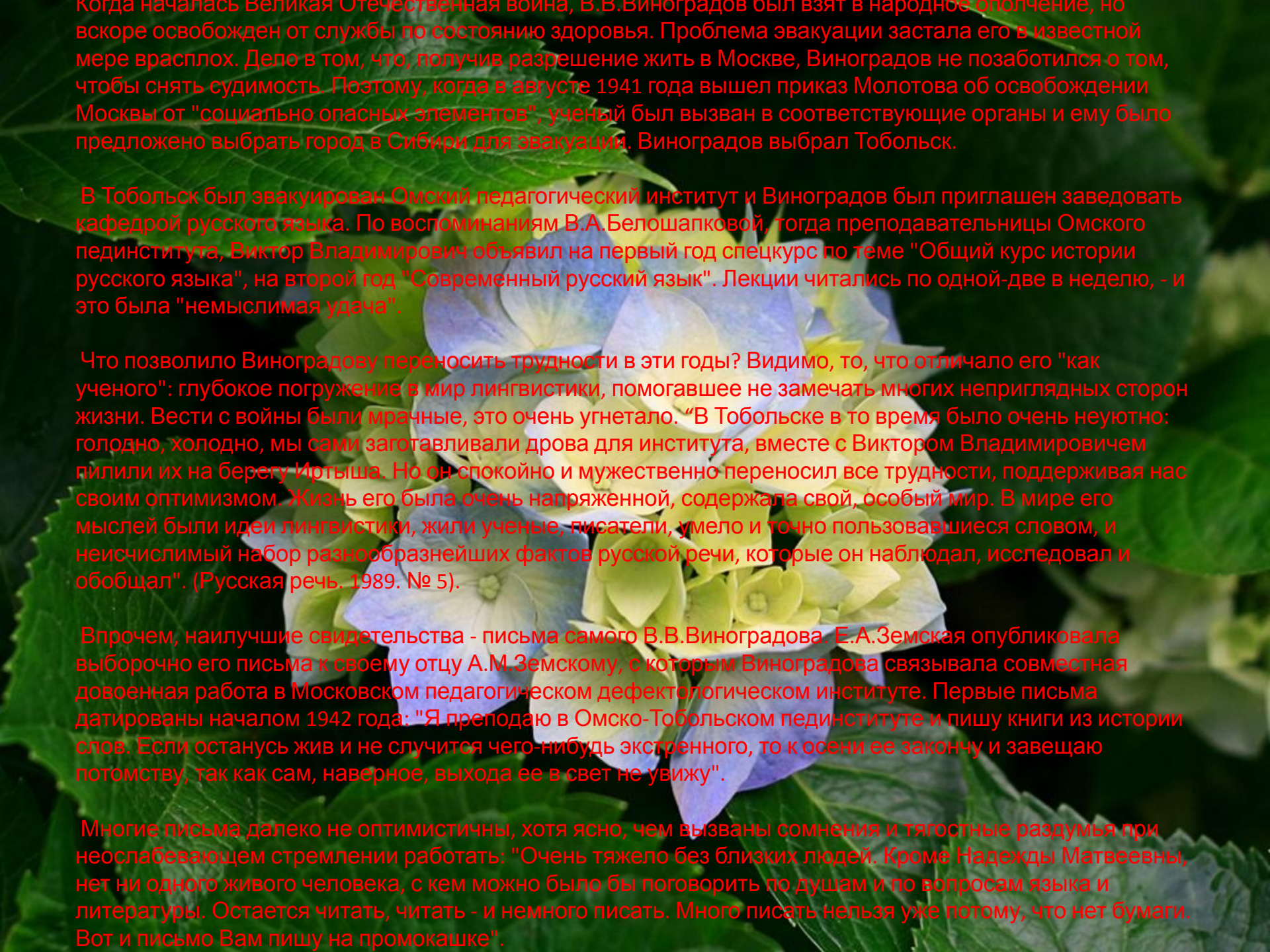
А текстологическая справка удостоверяет, что вместо "уязвлена" Пушкин сначала написал "упоена". Между тем (вот полнота искомых примеров) Пушкин ранее в "Кавказском пленнике" писал "Душа тобой упоена..."

"Словарь Академии Российской", как выясняет В.В.Виноградов, начат не на пустом месте. Многие идеи, принципы составления и толкования слов заимствованы от предшественников. Такова идея В.К. Тредиаковского, который в 1735 г. говорил о необходимости составить русскую грамматику, риторiku и толковый словарь, предупреждая о трудностях создания "лексикона полного и довольного". Андрей Богданов собрал и расположил по алфавиту 60000 речений. Не меньший труд проделал Тауберг, взявшись за составление "весьма пространного российского лексикона с толкованием на трех других языках". В сотрудничестве с К.Кондратовичем М.В.Ломоносов также занимался "сочинением Российского лексикона", в котором "производные слова стоят под первообразными", то есть слова расположены не по алфавиту слов, а по алфавиту корней, по гнездам, объединяющим слова одного корня.

Пожалуй, невозможно найти в филологической науке XX века ученого, который столь глубоко и разнообразно владел материалом, касающимся не одной, но множества филологических дисциплин и отдельных проблем в этих дисциплинах. Возможно, это происходило в связи с ощущением общности филологической проблематики, где центром является проблема слова, его строения, происхождения, истолкования, сочетания и т.д. Метод "историзма" позволял Виноградову видеть развитие предмета, ощущая его целостность, и если современная наука расщепила предметы лингвистических исследований на решение множества частных проблем, то взгляд историка позволял этому предмету сохранять единство. Не случайно главный труд В.В.Виноградова назван "Русский язык (грамматическое учение о слове)" М., 1947, 2-е изд. - М., 1972. В основе книги лежат два выпуска предшествующего исследования "Современный русский язык" (1938).

Считая наиболее рациональным деление грамматики на 4 части: 1) грамматическое учение о слове, 2) учение о словосочетании, 3) учение о предложении и 4) учение о сложном синтаксическом целом, Виноградов начинает свое исследование с рассмотрения проблемы "слова" - его смысловой структуры. Характерны вступительные предупреждения Виноградова, приводящего слова Готфрида Германна: "Два дела особенно трудны - это писать словарь и грамматику." Особенно сложным (и в этом залог успеха) является описание основных понятий - слова и предложения. Отмечая, что проблема слова "недостаточно освещена", что "лингвисты избегают давать определение слова или исчерпывающее описание его структуры", В.В.Виноградов предлагает анализ различных определений слова, каждое из которых, в сущности, имеет свои недостатки. Однако в целом это то дополняющие, то противоречащие друг другу определения создают картину движения лингвистической мысли, достаточной для прояснения вопроса.

Когда началась Великая Отечественная война, В.В.Виноградов был взят в народное ополчение, но вскоре освобожден от службы по состоянию здоровья. Проблема эвакуации застала его в известной мере врасплох. Дело в том, что, получив разрешение жить в Москве, Виноградов не позаботился о том, чтобы снять судимость. Поэтому, когда в августе 1941 года вышел приказ Молотова об освобождении Москвы от "социально опасных элементов", ученый был вызван в соответствующие органы и ему было предложено выбрать город в Сибири для эвакуации. Виноградов выбрал Тобольск.

В Тобольск был эвакуирован Омский педагогический институт и Виноградов был приглашен заведовать кафедрой русского языка. По воспоминаниям В.А.Белошапковой, тогда преподавательницы Омского пединститута, Виктор Владимирович объявил на первый год спецкурс по теме "Общий курс истории русского языка", на второй год "Современный русский язык". Лекции читались по одной-две в неделю, - и это была "немыслимая удача".

Что позволило Виноградову переносить трудности в эти годы? Видимо, то, что отличало его "как ученого": глубокое погружение в мир лингвистики, помогавшее не замечать многих неприглядных сторон жизни. Вести с войны были мрачные, это очень угнетало. "В Тобольске в то время было очень неуютно: голодно, холодно, мы сами заготавливали дрова для института, вместе с Виктором Владимировичем пилили их на берегу Иртыша. Но он спокойно и мужественно переносил все трудности, поддерживая нас своим оптимизмом. Жизнь его была очень напряженной, содержала свой, особый мир. В мире его мыслей были идеи лингвистики, жили ученые, писатели, умело и точно пользовавшиеся словом, и неисчислимый набор разнообразнейших фактов русской речи, которые он наблюдал, исследовал и обобщал". (Русская речь. 1989. № 5).

Впрочем, наилучшие свидетельства - письма самого В.В.Виноградова. Е.А.Земская опубликовала выборочно его письма к своему отцу А.М.Земскому, с которым Виноградова связывала совместная довоенная работа в Московском педагогическом дефектологическом институте. Первые письма датированы началом 1942 года: "Я преподаю в Омско-Тобольском пединституте и пишу книги из истории слов. Если останусь жив и не случится чего-нибудь экстренного, то к осени ее закончу и завещаю потомству, так как сам, наверное, выхода ее в свет не увижу".

Многие письма далеко не оптимистичны, хотя ясно, чем вызваны сомнения и тягостные раздумья при неослабевающем стремлении работать: "Очень тяжело без близких людей. Кроме Надежды Матвеевны, нет ни одного живого человека, с кем можно было бы поговорить по душам и по вопросам языка и литературы. Остается читать, читать - и немного писать. Много писать нельзя уже потому, что нет бумаги. Вот и письмо Вам пишу на промокашке".

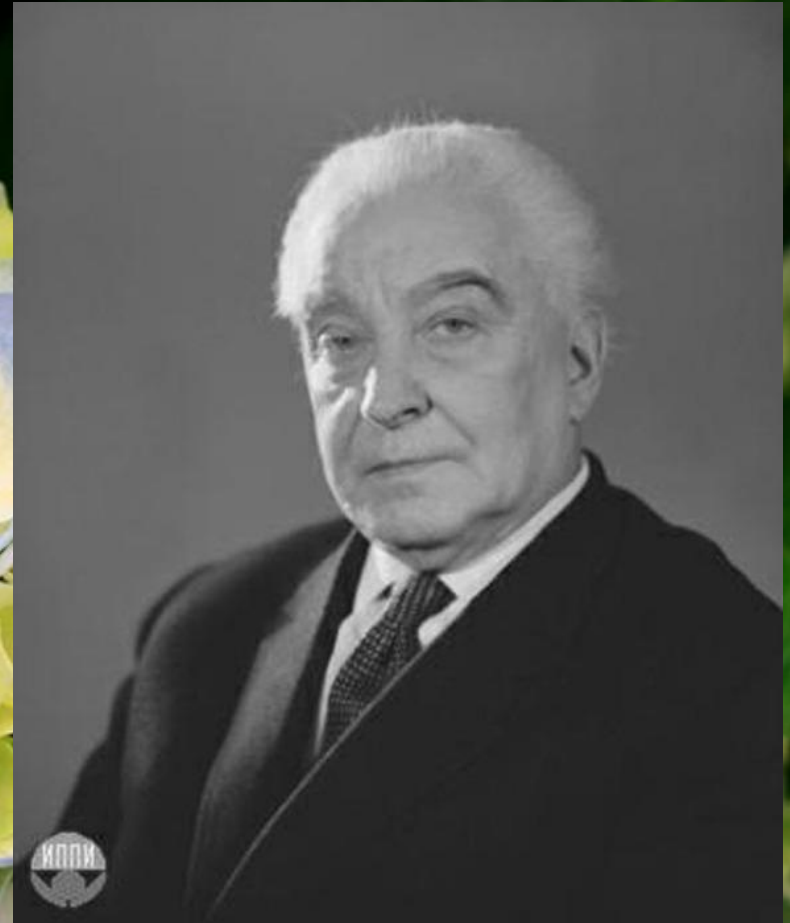
Для Виноградова невозможно оставаться в настоящем тревожном времени. Конечно, военное время - это время размышлений над судьбами русской государственности и русской культуры, это - взгляд в будущее: "...Конечно, мысли рвутся и в прошлое, и в будущее (вопреки К.Аксакову, который уверял, что для русских существует лишь настоящее время). Кто знает, а вдруг выживем? Наверное, для тех, кто выживет, жизнь будет - чище и светлее, чем была." В.В. сообщает о своих творческих планах, в частности, о большом исследовании "Из истории русского слова и русской мысли (Очерки исторической лексикологии русского языка)", которое он уже "написал" и только отсутствие книг не позволяет окончательно его обработать. Замысел - "писать курс синтаксиса", и также, видимо, из-за отсутствия всех необходимых книг писать "как напишется".

Из переписки ясно, что он не теряет связей с коллегами и является центром для многих, кого разбросала война: "Л.В.Щерба...живет очень тяжело и без книг пишет "Теорию орфоэпии и правописания" для Института школ Наркомпроса... Письма получаю от Обнорского (Казань), Булаховского (Уфа), Ларина, Бархударова, Жирмунского (Ташкент), Гудзия (Свердловск)... Я поражен смертями Сухотина и Ушакова. Боюсь, что мы все стоим в очереди за смертью... Утрата Ушакова - чувствительная потеря для филологии. И Сухотин - еще молодой, жизнеспособный, полный

Очевидно, эта ситуация между жизнью и смертью должна была побудить к вдохновенному труду о русском языке. И Виноградов сообщает А.М.Земскому: "Сейчас работаю над статьей для Ученых записок "Мощь и величие русского языка". Многих необходимых пособий нет. Ищу "заменителей"... К 10 мая (1943) статью обязан закончить".

Статья увидела свет в 1944 году, а работа, вышедшая в расширенном виде в 1945 году, называлась "Великий русский язык". Эта небольшая книжка пронизана гордостью за великий язык, ощущением связи языка и культуры, национальной жизни. В.В.Виноградов суммировал в ней отношение к языку лучших представителей художественного слова, приведя оценки национально-языкового своеобразия не только русских ученых и писателей (Достоевский, Гоголь, Пушкин, Тургенев, Ю.Крижанич, протопоп Аввакум, Петр I, Ушинский, Карамзин - привожу в последовательности цитируемых авторов), но и зарубежных (Бальзак, Мериме, Флобер и пр.). Обобщая множество этих конкретных высказываний, Виноградов констатирует: "Язык - не только мощное орудие культуры, не только важнейший фактор духовного развития нации, но и очень активная и выразительная форма национального творчества, национального самосознания"; "Национальный язык представляет собою своеобразный стиль национального выражения". Такая работа утверждала связь национального языка с историческим прошлым русского народа, его многовековой культурой, одновременно утверждая веру в народные силы,

Представляется уместным закончить “виноградовский” очерк несколькими исследовательскими замечаниями:

Обобщающей научной биографии В.В.Виноградова до сих пор нет. Это специальная тема “на всю жизнь”, но какому-то научному биографу придется рано или поздно ею заниматься. Впрочем, нет до сих пор и истории русской филологии. Есть история русской художественной литературы, довольно или очень подробно прописанная в отношении ее отдельных авторов (Пушкин, Гоголь, Лермонтов и другие корифеи нашей классической изящной словесности). Но корифеи научной филологической классики практически не тронуты. Трудно сыскать научные биографии “филологических” учителей Пушкина и Лермонтова – Кошанского и Мерзлякова. Примерно такая же ситуация с лингвистами XX столетия. В.В.Виноградов в ряду выдающихся лингвистов безусловно первый, с кого надо начинать писать историю русского языкознания уходящего века.

Настало время для исследования индивидуального стиля русских филологов XX века. В.В.Виноградов дал образцы стилистического анализа русских писателей, заложил основы науки о языке художественной литературы, разработал учение об “образе автора” как основной категории этого вида литературы. При том, что язык науки давно утвердил свое право быть объектом изучения, сами исследователи-филологи мало внимания уделили языку и стилю как филологической литературы в целом, так и языку и стилю отдельных авторов. Подобно тому, как В.В.Виноградов писал “Язык Пушкина”, “Стиль Пушкина”, необходимо рано или поздно исследовать “Язык и стиль Виноградова”. Впрочем, замечания о стиле Виноградова уже сделаны – их необходимо суммировать, продолжая размышлять над стилем научного творчества В.В.Виноградова и – не исключено – с ориентацией на него выстраивать наше будущее.

К наблюдениям А.П.Чудакова (семь свойств научного метода В.В.Виноградова), замечаниям Ю.В.Рождественского о стиле В.В.Виноградова в связи с характером его образованности и пониманием роли выдающейся языковой личности решаемся высказать следующее наблюдение.

Научный стиль В.В.Виноградова содержит множество элементов торжественной, эпидейктической речи. Именно торжественной речи присуща яркая оценочность. Это оценка совершенного деяния, рождающая, по Ломоносову, “радость от получения добра”. Например, оценка: “Словарь Академии Российской” - один из замечательных трудов в русской лексикографии”.

Происходит не только оценка сделанного, но и ее сопряжение с будущими поступками. Поэтому через прошлое намечается проекция в будущее, внушаются характер и стиль предстоящей деятельности: “Клад литературного творчества не дается без больших усилий и упорного труда. Одно из орудий литературного труда - толковые словари русского языка. Чтобы лучше пользоваться ими, необходимо знать, чему они могут научить, словом, необходимо знать историю их составления.”

Именно эпидейктическая речь предполагает богатство распространения слов. Конечно, можно предположить, что многочисленная синонимика в научном стиле Виноградова являлась следствием поиска нужного слова – та или иная мысль в сочинениях ученого часто выражается рядом параллельных, синонимических конструкций. Однако автор умышленно предпочитал не редактировать и не ужимать текст, а разворачивать его целиком, приглашая читателя к сомыслию и сотворчеству. И это, конечно, прием эпидейксиса, где количество слов передает торжественность настроения автора и его отношения к предмету речи (торжество научного творения в момент речи). Пример - почти наугад из той же статьи о толковых словарях:

“До конца XVI- начала XVII века господствовал тип словарей отчасти толкового, отчасти реально-энциклопедического характера, содержащих объяснение непонятных, чаще всего иноязычных слов, заимствованных имен и условных церковных символов. Сначала это были своеобразные справочные словарики, “толкования неудобь познаваемым речем”, т.е. объяснения трудных для понимания книжных слов, отвлеченных выражений, иностранных терминов, заимствованных имен, встречающихся в памятниках церковно-славянской письменности (глоссарии).”

Все это множество пояснений, уточнений, выраженных однородными членами, богатство и разнообразие определений несомненно настраивает на “возвышение” трудно постигаемого предмета.

Можно представить, что та же научная торжественность царила на лекциях В.В. Виноградова, которые ученый именно “читал”... Чтение лекций означало то же торжество научного творения в момент речи и уважение к предмету науки – можно предположить, что слушателей увлекала трудность предмета и изящно-академическая возвышенность его постижения. Именно этот стиль возвышенной учености, к сожалению, исчезает в новомодных “спонтанных” обращениях к научной аудитории.

Именно для торжественной речи характерны ссылки на авторитет. В научной речи такую функцию выполняет цитата из авторитетного источника с одновременной оценкой этого источника. Похвала, соседствует с критикой, создавая разнообразие эмоций эпидейксиса (по Аристотелю, “похваление или похуление”). Сложноречивые оценки соседствуют у Виноградова - высокая похвала рядом с тем, что еще не выполнено, не сделано - ср. о “Словаре Академии Российской”: “Знаменитый славист Иосиф Добровский ... заметил, что изданием его Российская академия “соорудила себе прочный памятник, делающий ей великую честь”. Позднее акад. И. И. Срезневский, отмечая недостатки этого словаря (главным образом, в области словопроизводства), все же признал: “Виднее всех несовершенств отделки его должно быть для нас то, что в нем в первый раз собрана и приведена в порядок громада сорока трех тысяч слов уже не одного книжного русско-славянского языка, но и русского общественного, простонародного, ученого, технического”.

Грамматическим выразителем торжественного творческого стиля Виноградова являются имена прилагательные (в книжной речи еще и причастия) вместе с конструкциями принадлежности в родительном падеже, никогда не преувеличенными в их количестве:

“Вместе с тем Пушкин предостерегал русское образованное общество своего времени от увлечения “механическими формами” наиболее разработанного и нормированного из западно-европейских языков - языка французского, от слепого подражания ему и призывал к “глубочайшим исследованиям” живой народной речи.

В стилистическом разнообразии русской литературной речи, в живом взаимодействии письменности с русским разговорным языком и в их неразрывной связи с живой народной речью и народной поэзией Пушкин видел залог еще большего расцвета русского литературного языка.”

Не исключено, что строгий редактор убрал бы некоторые слова из текста, исходя из принципа “информативной насыщенности”, как теперь любят говорить. Вот тогда бы и исчез виноградовский стиль... Между тем, эта “несворачиваемость”, развернутость и завершенность периода (а период в античной стилистике соотносился с понятием “круга”) таит невыразимое рациональное наслаждение для читателя трудов В.В. Виноградова.